

Научная статья

УДК 94(575.4)

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-116-130

Васильев Дмитрий Валентинович

доктор исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

ЗАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ МУРГАБСКОГО ГОСУДАРЕВА ИМЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ: ПЛАНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Мургабское государево имение учреждалось с целью создать эффективное орошаемое хозяйство, которое должно было привлечь русских и коренных жителей российской части Центральной Азии. Задача российской администрации заключалась в том, чтобы новые жители Мургабского оазиса были заинтересованы в сельскохозяйственном производстве, дорожили своей землей и противостояли проидам враждебной агентуры. Первоначально планировалось поселить в имении семейных переселенцев и дать им небольшие наделы земли. Ожидалось, что каждый поселенец будет жить за счет собственного труда. Незначительное количество земли власти намеревались отдать арендаторам с расчетом, что они устроят эффективные фермерские хозяйства. В реальности все оказалось иначе. Переселение сельскохозяйственных производителей на территорию имения не было реализовано. Вся орошаемая земля оказалась в руках арендаторов, некоторые из них владели участками, во много раз превосходившими норму. В этих владениях трудились десятки простых субарендаторов, доход которых зависел только от желания арендатора. Срок предполагавшейся долгосрочной аренды был сокращен в три раза. Почти вся земля сдавалась в аренду на один год. Размер и местонахождение будущего надела часто были неизвестны арендатору. Это не способствовало развитию фермерского хозяйства и заинтересованности в системном получении прибыли. Администрация имения изымала весь производившийся хлопок и обрабатывала его на своем хлопкоочистительном заводе. Она продавала хлопок и часть вырученных денег возвращала арендаторам. В конце концов Мургабское

государево имение превратилось в капиталистическое хозяйство, основанное на принципах, отличных от тех, которые декларировались первоначально.

Ключевые слова: Мургабское государево имение, Закаспийская область, Туркестанское генерал-губернаторство, сельское хозяйство, орошение, демография, переселенцы, аренда.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства.

Для цитирования: Васильев Д. В. Заселение территории Мургабского государева имения и землепользование: планы и реальность // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 116–130. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-116-130>

Original article

UDC 94 (575.4)

DOI: 10.24412/2076-9105-2024-456-116-130

Vasilyev Dmitry V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

**LAND USE AND SETTLEMENT OF THE TERRITORY
OF THE MURGHAB SOVEREIGN'S ESTATE:
PLANS AND REALITY**

Abstract. The Murghab Sovereign's Estate was established with the aim of creating an effective irrigated farm that was to attract Russians and indigenous peoples of the Russian part of Central Asia. The Russian administration was interested in the new residents of the Murghab oasis being interested in agricultural production, cherishing their land and resisting the machinations of hostile agents. Initially, it was planned to settle family settlers on the estate and give them small plots of land. It was expected that each settler would live off his own labor. The authorities intended to give a small amount of land to lessees with the expectation that they would set up efficient farms. In reality, everything turned out differently. The resettlement of agricultural producers to the estate was not implemented. All the irrigated land ended up in the hands of lessees, some of whom owned plots that were dozens of times larger than the norm. Dozens of simple under-lessees worked on those estates. Their income depended only on the desire of the lessee. The term of the proposed long-term lease was reduced by 3 times. Almost all the land was leased for 1 year. The size and location of the future plot was often unknown to the lessee. This did not contribute to the development of the farm and interest in systematic profit-making. The estate administration confiscated all the cotton produced and processed it at its own cotton gin. The administration sold the cotton and returned part of the proceeds to the tenants. In the end, the Murghab sovereign estate turned into a capitalist enterprise based on principles other than those originally declared.

Keywords: Murghab Sovereign's Estate, Transcaspian Province, Turkestan Governorate General, agriculture, irrigation, demography, settlers, lease.

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship.

For citation: Vasilyev D. V. Land use and settlement of the territory of the Murghab Sovereign's Estate: plans and reality // *MCU Journal of Historical Studies*. 2024. № 4 (56). P. 116–130. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-116-130>

Введение. Мургабское государево имение было создано императором Александром III в 1887 г. в долине реки Мургаба в недавно завоеванной части Закаспийской области¹. Императорский указ декларировал главную цель этого мероприятия — воссоздать давно утраченную оросительную систему и развить на берегах Мургаба эффективное сельское хозяйство. Однако есть основания предполагать, что за этим решением российского правительства стояла и более существенная задача — привязать к этой местности людей, которые, будучи заинтересованными в высокодоходном земледелии, станут дорожить своими участками, расположенными на стыке границ России, Персии и Афганистана, и будут противодействовать возможным намерениям соседей присоединить эту территорию к своим владениям или проiscaм иностранных шпионов с целью дестабилизировать положение в этом значимом для Российской империи регионе.

Отсюда вытекают две взаимосвязанные проблемы — колонизация имения сельскохозяйственными работниками и организация землепользования в формах, призванных обеспечить реализацию названной цели. Рассмотрению этих проблем в планах властей и фактическому положению вещей посвящена настоящая статья.

Первая попытка исторического анализа Мургабского государева имения была предпринята академиком М. Н. Тихомировым в монографии «Присоединение Мерва к России»². В соответствующей главе автор достаточно критически оценивает действия российской власти по организации имения. И хотя его характеристику экономики имения как «плантационного хозяйства, рассчитанного на эксплуатацию рабочих» нельзя считать абсолютно точной, можно признать, что она не так уж и далека от реальности. Более масштабный подход к исследованию Мургабского имения предприняла Н. Н. Канода в работе «Аграрная политика царизма в Туркменистане». Здесь истории имения отведена целая глава³. Нельзя не согласиться с ее заключением, что «Мургабское государево имение... служило образцом комплексного агропромышленного хозяйства»⁴. Построенное на материалах,

¹ 1887 г. августа 6. Об обращении в состав государевых имений части земель, вновь присоединенных в Средней Азии // Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. 7. СПб., 1889. С. 390.

² Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 194–198.

³ Канода Н. Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане. Ашхабад, 1991. С. 103–192.

⁴ Там же. С. 193.

отложившихся в Центральном государственном архиве Туркменистана, исследование содержит весьма ценную конкретную информацию о функционировании имения. Однако привлечение документов Центрального управления (Департамента уделов) позволяет не только восполнить фактологические пробелы, но и сформировать представление о реальных целях правительства при реализации и функционировании Мургабского государева имения.

Современная отечественная историография раскрывает отдельные страницы истории имения⁵. Лишь совсем недавно появились статьи, в которых авторы приступили к более широкому исследованию истории этого феномена Российской империи⁶.

Источниками для настоящей статьи стали делопроизводственные документы, связанные с формированием политики Департамента уделов в отношении Мургабского государева имения, материалы ревизий имения и его внутренние документы, регламентировавшие арендные отношения. Некоторые статистические сведения почерпнуты из отчета байрамалийского пристава и следственных документов по правонарушениям местных должностных лиц. Собранные вместе, эти документы позволяют исчерпывающе ответить на вопрос, насколько первоначальные планы российской администрации в отношении Мургабского имения были реализованы в действительности.

Ход и результаты исследования. Главной задачей российской администрации стало восстановление (с учетом современных для того времени технологий) древней оросительной системы, а следующей — разработка программы, реализация которой позволила бы заселить вновь орошенные земли трудолюбивыми сельскохозяйственными производителями. Заметим, что речь шла о лежавших впусе землях, не занятых коренным населением, которое продолжало исстари

⁵ *Алимджанов Б. А.* А. Н. Куропаткин и экономическая политика Российской империи в Центральной Азии // *Юридическая наука: история и современность.* 2019. № 8. С. 93–103; *Бочкарева И. Б.* Ирригационный вопрос в политике России в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // *Былые годы.* 2021. № 16 (3). С. 1399–1408; *Брусина О. И., Соловьева Л. Т.* Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2022. Т. 13. № 10 (120); *Дмитриева И. В.* Становление новой архитектуры и строительной науки в Средней Азии (конец XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. архитектуры. Ташкент, 1994. 26 с.; *Настич В. Н.* Металлические марки дайханской конторы Мургабского государева имения // *Ориенталистика.* 2018. Т. 1. № 2. С. 237–250; *Саркисов М. М.* Ирригация южного Туркменистана / Туркменгипропроводхоз. М., 1992. 135 с.; *Слезкин А. В.* Храм в Мургабском государевом имении: конкурсные проекты и реализация // *Русская усадьба.* 2015. № 20 (36). С. 258–287; *Ходжакулиева Б. А.* Из истории туркмено-российских отношений: экономические преобразования в Закаспийской области // *Экономика и управление: проблемы, решения.* 2016. Т. 4. № 12. С. 68–73.

⁶ *Васильев Д. В.* Мургабское государево имение — образцовое хозяйство на юго-восточной окраине // *Гусевские чтения – 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: сб. науч. статей / отв. ред. Ю. В. Смирнова.* Т. 1. М.; Ярославль: Канцлер, 2024. С. 84–92; *Мазаев Н. А.* Аграрный сектор Мургабского государева имения как отражение аграрной политики Российской империи в Туркестанском крае // *Там же.* С. 258–272.

пользоваться маломощными ресурсами традиционных оросительных систем. Местные туркмены не должны были испытывать никаких трудностей, связанных с появлением государева имения. Власти неоднократно подчеркивали, что появление новых земледельцев никоим образом не должно было вмешиваться в традиционную систему водопользования.

Известно, что к моменту присоединения этой части туркменских земель к России на территории Мургабского оазиса (вне Мерва) проживало совсем незначительное население. Из них мервцев насчитывалось около 80 000 чел., а сарыков, проживавших в основном в Йолотанском оазисе, — около 22 000 душ⁷. Эти люди как раз и пользовались относительно небольшими старыми плотинами Казыклыбент и Каушутханбент, которые постоянно поддерживали в исправном состоянии. На них не распространялся интерес Департамента уделов, в зависимости от которого находилось Мургабское государево имение. Было принято решение устроить масштабное гидротехническое сооружение на месте разрушенной плотины Султанбент.

Пока шло строительство плотины, позволявшей обеспечить не только правый берег Мургаба, который, собственно, и отходил имению, но и левый, что открывало доступ к воде и йолотанским сарыкам, власти озаботились вопросами перспективы заселения огромной орошаемой территории (около 45 000 десятин).

В начале 1889 г. Министерство императорского двора и уделов направило в Мургабское государево имение высокопоставленного чиновника Департамента уделов, помощника управляющего департаментом действительного статского советника Н. Ваганова с целью выработки плана заселения имения земледельческим элементом. Вместе с ним на Мургаб были командированы чиновник особых поручений при Департаменте уделов действительный статский советник Рахманинов и главный удельный стряпчий статский советник Бородулин. Приступая к работе, Н. Ваганов привлек к совместной деятельности весьма компетентных лиц: инженера от Морского министерства генерал-майора В. Ф. Карловича, специалиста по ирригационным сооружениям инженера полковника С. Вейсенгофа, строителя Султанбентской плотины инженера И. Поклевского-Козелла. Позже к команде помощника управляющего Департаментом уделов присоединился управляющий Мургабским имением подполковник Н. Лутца.

Знакомство Ваганова и его сотрудников с ходом работ по строительству гидросооружений и наблюдение за мервцами и сарыками убедили столичного чиновника в том, что время для немедленной колонизации еще не наступило⁸. Более того, ему пришлось признать, что местные туркмены не могут составить основу земледельческого населения имения: «Как земледелие, так и орошение находятся у сарыков и у мервцев (особенно у последних) на весьма низкой степени. Те и другие

⁷ 1889 г. Сведения о состоянии земледелия и других сторон сельскохозяйственного быта у жителей Мервского оазиса и ближайших к нему частей Туркестанского края // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 114 об.

⁸ 1889 г. октября 20. Рапорт помощника управляющему Департаментов уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 15.

ведут вполне переложное хозяйство; поля обрабатываются плохо, а вода тратится без толку, так что встречается много участков вполне заболоченных; ценных культур (хлопка, шелководства, плодоводства) никаких нет и в настоящее время хлопков возделывается в пределах Мервского оазиса только на русских плантациях... устроенных на арендуемых у туркмен землях»⁹.

Поняв, что вопрос колонизации имения не менее сложен, чем вопрос его орошения, Н. Ваганов разделил своих сотрудников на две группы: сам он вместе К. Бородулиным, В. Рахманиновым и Н. Лутцау отправился в поездку по Туркестанскому краю, а С. Вейсенгоф, В.-Ф. Карлович остались в имении заниматься гидрологическими исследованиями и разбираться с другими инженерно-техническими вопросами. И. Поклевский-Козелл вернулся к непосредственному исполнению своих обязанностей.

С 5 по 27 сентября 1889 г. состоялась поездка в Туркестанский край. Рахманинов доехал со своими сотрудниками до Самарканда, а затем вернулся в Байрамали для изучения делопроизводства и отчетности. Кроме Самарканда удалось объехать большую часть Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областей, а также посетить Ташкент, Ходжент, Копал, Коканд, Новый Маргелан и Андижан. Планировавшееся посещение Бухарского эмирата не состоялось по причине серьезного заболевания Карловича и Поклевского, которое заставило поспешить с возвращением в имение.

«При объезде областей Туркестанского края собирались как от туземцев, так и от чинов местной администрации сведения по вопросам программы (командировочного задания. — Д. В.) и, кроме того, изучалось посредством осмотров состояние земледельческой культуры и орошения в крае. При этом обращалось внимание также и на важные промыслы и другие стороны экономического быта страны, которые могли бы иметь значение при будущем устройстве государева имения»¹⁰.

В Самарканде участники поездки осмотрели оросительные системы Зеравшана и местные винодельческие предприятия. В Сырдарьинской области изучено хлопководство, в том числе хлопководческая и шелководческая опытные станции. Было установлено, что американский хлопок (не без инициативы местных властей) выращивало большое число русских служащих на собственных и арендованных землях. И это убедило путешественников в том, что с берегов Сырдарьи в имение хлынут русские арендаторы, имеющие опыт возделывания качественного хлопчатника¹¹.

А вот поездка по Ферганской долине и окрестностям показала, что основными хлопкоробами там были именно коренные жители. А высокие темпы прироста объема этого сырья подтолкнули Н. Ваганова и его коллег к мысли, что именно эта часть края имеет все шансы составить конкуренцию иностранным производителям.

⁹ 1889 г. октября 20. Рапорт помощника управляющему Департаментов уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 16 об.

¹⁰ Там же. Л. 17 об.

¹¹ Там же. Л. 18.

Именно посещение Ферганской области убедило помощника управляющего Департаментом уездов в том, что «оседлые жители из большинства посещенных местностей были бы весьма желательными поселенцами для государева имения, и что в виду густоты населения, которое не уклоняется ни от какого труда, коль скоро труд дает хороший барыш, весьма вероятно такие поселенцы и найдутся, если условия пользования землей в государевом имении будут необременительны и, главное, понятны мусульманскому населению, которое во всем обиходе своем держится традиционных воззрений, вытекающих преимущественно из Корана и разных его толкований, и весьма трудно отступает от этих воззрений»¹².

Так и появился принцип учета мусульманского фактора, в принципе, не чуждый краевой администрации, но впервые столь ярко реализованный в имениях удельного ведомства. Об этом еще будет сказано ниже.

После возвращения из туркестанского турне Н. Ваганов из числа своих соратников образовал комиссию, которая занялась обсуждением проблемы колонизации имения и выработкой основных начал этой работы, равно как и перспектив устройства мургабского хозяйства вообще.

Имея в виду, что речь идет о вновь орошенных, никем не занятых землях, комиссия сочла возможным установить четыре формы землепользования в имении, разделив весь массив на: «а) земли, которые останутся в непосредственном распоряжении и пользовании удельного ведомства; б) земли, которые имеют быть отданы в постоянное пользование мусульманским поселенцам; в) земли, которые будут отдаваемы в постоянное пользование русским поселенцам и г) земли, оставляемые как запас для пользования ими в качестве удельных оброчных статей»¹³. В последнем случае речь шла о том, что позднее стали называть арендой.

Из упомянутых выше категорий группы б) и в) должны были составить подавляющую часть всего земельного фонда, группа а) должна была обеспечить насущные потребности самого имения (включая питомники и опытные поля), а группа г), как думалось, будет наверняка не значительной¹⁴.

Что же касается переселения, то приоритетным было признано привлекать на Мургаб именно русских земледельцев. Однако реальность подсказывала, что русские переселенцы с непривычки работать с хлопком и искусственным орошением столкнутся с непреодолимыми трудностями и не станут примером для коренных жителей края, а потому к отбору претендентов рекомендовалось подходить с большой осторожностью, принимая тех, кто уже имел опыт труда в регионе, был привычен к местному климату и знаком с технологией обработки орошаемой земли¹⁵. И таких земледельцев предлагалось рекрутировать семьями как из центральноазиатских, так и из закавказских владений Российской империи.

¹² 1889 г. октября 20. Рапорт помощнику управляющему Департаментов уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 20 об.

¹³ Там же. Л. 67.

¹⁴ Там же. Л. 84.

¹⁵ Там же. Л. 85–85 об.

Комиссия сочла важным приглашение именно семейных людей, так как наличие нескольких пар рабочих рук давало возможность более эффективно справиться с непростой задачей выращивания и сбора хлопка, решение которой было не под силу одиночкам. В последнем случае, как представлялось, невозможно добиться прочного водворения переселенцев.

А так как русские, судя по всему, не могли уже (после выяснения всех обстоятельств) составить основную массу переселенцев, то ставку пришлось сделать на местных мусульман. А среди них на тех, что владели культурой орошаемого земледелия и были в состоянии вести эффективное и прибыльное хозяйство. Поездка по соседним туркестанским областям показала, что основная масса земледельческих наделов не должна была превышать четырех десятин. Именно такие наделы позволяли максимально эффективно использовать и землю, и воду.

Н. Ваганов с коллегами, видимо, понимая, что основную массу переселенцев составят именно мусульмане, приняли меры к тому, чтобы правила землепользования для них стали более понятными и приемлемыми. Так как местным мусульманам понятие аренды (как долгосрочной, так и годичной) было чуждо, остановились на принципе бессрочного потомственного пользования с обязательством постоянного хозяйствования и внесения определенной платы (хераджа в размере от 1/8 до 1/10 части урожая, вносимой натурой; перевод в денежное выражение был отложен на будущее)¹⁶. Такие же правила были установлены и для русских переселенцев. С одной стороны, это уравнивало в правах русских и коренных жителей (которые в противном случае могли оказаться в привилегированном положении). С другой, трудно найти еще один пример, когда бы русские в империи вынуждены были подчиняться инокультурным правилам регулирования имущественных отношений.

Однако капиталистические отношения вполне естественно должны были стать основой эффективного капиталистического хозяйства. Несмотря на натуральный характер платы за пользование землей (издольщина), те земледельцы, которые не вели хозяйства либо не вносили плату, должны были лишаться своего надела, который должен был передаваться другой семье на тех же условиях. Здесь следует добавить, что в имении вполне естественно предполагалось допустить подворное, но не общинное землепользование.

Чтобы закончить обсуждение вопроса о мусульманских поселенцах, заметим, что приглашать в имение намеревались ферганцев, самаркандцев, хивинцев и бухарцев, которые более всего были знакомы с искусственным орошением. А предпочтению намеревались отдать семиреченским дунганам и таранчам¹⁷, а также кашгарцам. При этом приглашение в имение местных йолотанских сарыков комиссия

¹⁶ 1889 г. октября 20. Рапорт помощника управляющему Департаментов уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 68.

¹⁷ Васильев Д. В., Асанова С. А. Приют для страждущих: Миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 34–46.

Н. Ваганова сочла нежелательным из-за того, что они не обладали земледельческой культурой достаточного уровня¹⁸.

Осталось обратиться к землям группы г), т. е. к собственно арендным участкам (оброчным статьям). Комиссия признала целесообразным выделять не более 50 дес. на каждый участок со сроком аренды до 36 лет. Каждому пожелавшему стать арендатором (стороннему лицу или поселенцу) следовало давать по одному участку. И в этом шаге также можно увидеть проникновение в Закаспийскую область капиталистических отношений: «Можно надеяться, что если сроки аренды будут продолжительные, то на этих участках разовьется постепенно фермерское хозяйство и что они, в большей по крайней мере части, будут в руках русских. <...> Подобные арендаторы были бы во всех отношениях желательны: они внесут и укрепят русский элемент в Мервском оазисе и при этом, как люди более развитые, сумеют, конечно, правильно поставить свои хозяйства. Поэтому и предполагается сдавать подобные участки на срок до 36 лет; а размер участков установить в пределах до 50 десятин, так как на подобном куске орошенной земли в большинстве местностей Средней Азии можно завести хозяйство, над которым стоит потрудиться. В течение 36-летнего арендного срока прилежный и разумный хозяин, имея 50 или даже менее десятин поливной земли в своем распоряжении, может не только прожить с известным довольством, но и составит себе порядочное состояние...»¹⁹.

После утверждения Александром III всеподданнейшего доклада министра императорского двора и уделов, содержавшего основные заключения комиссии действительного статского советника Н. Ваганова, все ее предположения обрели императивную силу закона и поступили в Управление Мургабским государевым имением для исполнения²⁰.

Однако все перечисленное выше — лишь планы, которые начали рушиться уже в конце 1890 г., когда напора мургабской воды не выдержала Султанбентская плотина, возведенная инженером И. Поклевским-Козеллом. Сами же планы колонизации Мургабского государева имения представляют интерес для понимания, так сказать, теоретических подходов Департамента уделов к организации хозяйства. Большой интерес вызывает фактическое положение дел, сопоставление которого с планами позволяет обратить внимание на трудности развития экономической составляющей имения и вынужденные изменения в планах государства.

Имеющиеся сведения на 1909 г. дают возможность понять реальное состояние колонизационного вопроса в Мургабском государевом имении в это время. В 1902 г. в Байрамали было учреждено полноценное приставство: появилось

¹⁸ 1889 г. октября 20. Основные положения по устройству и колонизации // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 70.

¹⁹ Объяснительная записка к основным положениям по устройству и колонизации Мургабского государева имения // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 99–100.

²⁰ 1890 г. марта 10. Предписание управляющего Департаментом уделов управляющему Мургабским государевым имением // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 139–143 об.

административно-полицейское управление, одной из обязанностей которого стали сбор статистических данных и представление отчетов по соответствующим отраслям жизни имения.

Так, отчет байрамалийского пристава М. И. Познанского за 1909 г. свидетельствует, что преобладающим населением в имении были почти исключительно представители коренного населения — туркмены. На второй позиции стояли служащие, рабочие и торговцы разных национальностей, начиная с русских. При этом пристав отметил, что местные туркмены, будучи по своему духу кочевниками, продолжают таковыми и оставаться, не имея прочной перспективы пребывания на землях имения, ибо к этому времени первоначальная идеалистическая концепция землепользования в имении изменилась. От планов наполнения имения поселенцами пришлось отказаться, а все его сельскохозяйственные земли стали сдаваться арендаторам на условиях ежегодного переоформления договоров, что, в принципе, противоречило мусульманской традиции, о которой говорилось выше. И коренные жители, находясь под постоянной угрозой прекращения арендных отношений, вынуждены были сохранять для себя возможность возврата к прежнему полукочевому или кочевому образу жизни²¹. Полковник Познанский видел нежелание туркмен оседать и в том обстоятельстве, что они отказывались селиться, подобно другим народам, большими аулами, а жили в одиночных кибитках или группами в несколько кибиток вблизи своих временных посевов.

На территории имения проживали в меньшем числе и текинцы, вышедшие из Бухарского эмирата. Они, по словам пристава, выделялись нищетой и отсутствием нравственности: «Эти нищие идут на черную работу, и число их сильно колеблется в зависимости от времени года; больше всего их бывает перед сбором хлопка»²². Ту же долю населения составляли афганцы, приходившие на сбор хлопка. Но их преимущество состояло в том, что они приводили с собой отары баранов, чем оказывали помощь населению. Четвертую группу представителей коренных жителей Центральной Азии составляли таранчи (илийские уйгуры), приглашенные из Семиреченской области на строительство первой Султанбентской плотины и оставшиеся на территории имения. Они в силу своих сельскохозяйственных пристрастий занимались хлебопашеством, а также извозом и другими промыслами²³.

За период с 1902 г. (когда были начаты соответствующие подсчеты) по 1909 г. включительно число представителей коренного населения, проживавших в имении, возросло с 2718 до 7609 чел., русских и представителей других национальностей — с 1142 до 1705 чел. Такое увеличение числа коренных жителей капитан Роминский объяснял расширением орошаемых площадей и возможностью привлечения новых рабочих рук. Что же касается русских, то рост их количества объяснялся прибавлением служащих в имении и на заводах²⁴.

²¹ 1910 г. Годовой отчет по административно-полицейскому управлению Мургабского государства имения за 1909 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 45. Д. 1003. Л. 60 об.

²² Там же. Л. 61.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 61 об.

Во второй половине 1908 г. в имении побывал сенатор К. К. Пален, который по особому распоряжению императора осуществил ревизию его администрации. В ходе своей работы Пален выявил следующие проблемы. Было установлено, что земельные наделы получали не непосредственные земледельцы, а арендаторы, сдающим землю в субаренду дейханам, что принципиально противоречило и предложениям комиссии Н. Ваганова, и идеологии императорского указа от 6 августа 1887 г. При этом чистая прибыль от продажи хлопка распределялась между арендаторами. Из этого процесса фактически были исключены непосредственные производители — дейхане. Сенатора весьма обеспокоила ситуация, при которой последние были оторваны от результатов своего труда, не были заинтересованы в долгосрочном результате и не были «крепки» к этой земле, не воспринимали ее как свою и не были готовы потенциально отстаивать ее российский суверенитет. Он отметил: «Создался особый класс арендаторов-посредников, которые, не затрачивая ни труда, ни капитала, исключительно за одно только посредничество получали ежегодно крупный доход с арендуемых ими участков, уменьшая тем самым и доходность государева имения и прибыль лиц, действительно обрабатывавших землю»²⁵.

В 1907 г. общая площадь посевов в имении составила 12 799 дес., из которых более 6000 дес. были заняты хлопком²⁶. Ревизией было установлено, что имение могло разместить на орошаемых площадях более 1000 арендаторов. Получается, что идеальный арендуемый участок должен был составить 12 дес. На деле же оказалось, что 5775 дес. хлопковых земель владели всего 379 арендаторов, то есть в среднем по 15 дес. Но это не все. 186 арендаторов-работников пользовались 866 дес. (4,6 дес. — почти как и предлагалось изначально для поселенцев), 193 арендатора-посредника — 4009 дес. (20,8 дес., что больше предполагавшегося надела поселенца, но меньше планировавшегося участка долгосрочного арендатора). Ревизоры подсчитали годовой совокупный убыток государева имения и дейхан — 300 тыс. руб. Одновременно было установлено, что самые крупные арендные участки получили даже не представители коренного населения, а служащие имения и аффилированные с ними лица²⁷. Несколько позднее были названы размеры участков для русских долгосрочных арендаторов — 45 дес. — и для коренных жителей — 15 дес.²⁸ Но были из этих правил весьма заметные исключения: переводчик Дурдули Шираков — 374 дес. (1906), Берды Ишан — 547 дес. (1907), Мемед Кебедов — 167,05 дес. (1907), Курбан Агабаев — 615,3 дес. (1908)²⁹.

²⁵ 1910 г. сентября 12. Заключение о дальнейшем направлении дела по обвинению бывших помощника начальника Главного управления уделов, управляющего Мургабским государевым имением и помощника управляющего тем же имением в преступлениях по должности // РГИА. Ф. 515. Оп. 38. Д. 1830. Л. 123 об.

²⁶ Там же. Л. 123.

²⁷ Там же. Л. 123 об. – 124.

²⁸ 1910 г. декабря 1. Доклад о ревизии Мургабского государева имения // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 164. Л. 360–360 об.

²⁹ 1910 г. сентября 12. Заключение о дальнейшем направлении дела по обвинению. Л. 125–125 об., 130, 131 об.

В итоге на конец первого десятилетия XX в. все земли имения, не занятые под его собственные нужды, сдавались исключительно в аренду. От выделения наделов переселенцам в постоянное пользование отказались. В качестве арендаторов удельное ведомство желало видеть туркмен-текинцев из числа постоянных жителей имения, однако практика демонстрировала абсолютную randomness в выборе арендаторов. В тогдашних нормативных документах речь идет именно не о поселенцах, а о долгосрочных арендаторах. Каждому такому арендатору полагался под посев хлопка единственный участок площадью не более 100 дес., причем в это число включались и его дейхане (субарендаторы). Служащим в имении, за исключением представителей военно-народного управления, старшины, судьи и мирзы (помощники старшин), аренда запрещалась. Последняя категория должностных лиц могла получать землю на общих основаниях³⁰.

С 1/3 до 1/2 возросло количество хлопка, сдававшегося натурой (аналог хераджа) управлению в качестве арендной платы. Исключение было сделано для таранчей³¹, имевших особые заслуги перед имением. За это арендаторы могли бесплатно получать семена, мешки для сбора хлопка, а также осуществлять его очистку, упаковку и прессовку на местном хлопкоочистительном заводе. Кроме того, арендатор имел возможность бесплатно ремонтировать в мастерских имения современный сельскохозяйственный инвентарь. А в случае форс-мажорных обстоятельств доля сдававшегося в пользу имения урожая сокращалась. Непосредственно возделывавшим хлопок дейханам полагалось 40 % от всего урожая, а самому арендатору — 10 %³². Арендаторы хлопковых земель могли при необходимости получать у Управления имением займы³³.

В это время имение заключало с арендаторами долгосрочные договоры сроком на 12 лет, условия которых предполагали, что последние могли выращивать зерновые (хлеба), люцерну и хлопок при трехпольном севообороте. За все посевы, кроме хлопка, следовало вносить арендную плату деньгами. За хлопок же, как уже было отмечено выше, — натурой³⁴.

Заключение. Итак, в начале XX столетия русский элемент так и не стал доминирующим в хозяйстве Мургабского государева имения. Титульная нация не смогла стать опорой прогрессивного капиталистического хозяйства в закаспийском оазисе. Зато своей возможностью воспользовались выходцы

³⁰ 1919 г. февраля 18. Правила для сдачи земли Мургабского государева имения в аренду под хлопковые посевы в 1909 году // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 162. Л. 25.

³¹ 1919 г. марта 24. Рапорт помощника начальника началнику Главного управления уделов // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 164. Л. 321 об. – 392.

³² 1919 г. февраля 18. Правила для сдачи земли Мургабского государева имения в аренду под хлопковые посевы в 1909 году // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 162. Л. 25 об. – 26.

³³ 1919 г. февраля 18. Правила выдачи в 1909 году займов арендаторам хлопковых земель Мургабского государева имения // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 162. Л. 27.

³⁴ 1909 г. Проект условия долгосрочных арендаторов // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 162. Л. 35, 37 об.

из других районов российской Центральной Азии, некоторые из которых смогли превратиться в весьма успешных капиталистов. Вместо массы крепких семейных землепользователей и слоя долгосрочных арендаторов-фермеров основными «производителями» стали арендаторы-латифундисты, массово эксплуатировавшие труд дейхан. Формально в начале XX в. договоры полагалось заключать на меньшие (в пять раз) по площади участки и на меньший (в четыре раза) срок, чем планировалось комиссией Н. Ваганова, что, конечно же, не способствовало развитию частного предпринимательства. Но при этом тем или иным образом составлялись наделы больше планировавшихся в 10 раз со сроком аренды всего на один год. По форме капиталистическое мероприятие превращалось, по сути, в нечто сродни «черному переделу». Даже состоятельные арендаторы не были уверены в площади и месте нахождения своего участка в следующем году.

Предполагавшиеся уступки мусульманам были успешно побеждены вполне созревшей буржуазной действительностью. Вместе с идеей создания мощного слоя подготовленных и специально отобранных переселенцев погиб и принцип бессрочного землепользования, повсеместно замененный арендой. Сохранился херадж. Но только на первый взгляд. Вместо привычной для региона натуральной формы его внесения была внедрена денежная форма. Натуральная осталась лишь для хлопка. Да и то только потому, что управлению имением было выгодно осуществлять первичную переработку сырца на своем заводе, чтобы обеспечивать загрузку его производственных мощностей.

Словом, все благие надежды на создание образцового хозяйства разбились о суровую капиталистическую реальность и желание минимизировать затраты там, где это было наименее заметно. Намерение скорейшего перехода к прибыльности имения привело к упрощению первоначальной идеи, заложенной указом Александра III от 6 августа 1887 г. (и развитой Н. Вагановым), и к превращению Мургабского государева имения в прекрасную витрину Российской империи в Азии, за которой скрывались пороки фактически нерегулируемой адаптации традиционных представлений коренного населения региона к новым условиям. В итоге земледельцы нового Мургабского оазиса по-прежнему тяготели к экстенсивным приемам ведения сельского хозяйства.

Литература

1. Алимджанов Б. А. А. Н. Куропаткин и экономическая политика Российской империи в Центральной Азии // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 8. С. 93–103.
2. Бочкарева И. Б. Ирригационный вопрос в политике России в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // Былые годы. 2021. № 16 (3). С. 1399–1408. <https://www.doi.org/10.13187/bg.2021.3.1399>
3. Брусина О. И., Соловьева Л. Т. Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 10 (120). e22. <https://www.doi.org/10.18254/S207987840023218-8>. URL: <https://history.jes.su/s207987840023218-8-1/>

4. Васильев Д. В. Мургабское государево имение — образцовое хозяйство на юго-восточной окраине // Гусевские чтения – 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: сб. науч. статей / отв. ред. Ю. В. Смирнова. Т. 1. М.; Ярославль: Канцлер, 2024. С. 84–92.
5. Дмитриева И. В. Становление новой архитектуры и строительной науки в Средней Азии (конец XIX – начало XX века): автореф. дис. ... канд. архитектуры. Ташкент, 1994. 26 с.
6. Канода Н. Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1991. 222 с.
7. Мазаев Н. А. Аграрный сектор Мургабского государева имения как отражение аграрной политики Российской империи в Туркестанском крае // Гусевские чтения – 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: сб. науч. статей / отв. ред. Ю. В. Смирнова. Т. 1. М.; Ярославль: Канцлер, 2024. С. 258–272.
8. Настич В. Н. Металлические марки Дайханской конторы Мургабского Государева имения // Ориенталистика. 2018. Т. 1. № 2. С. 237–250. <https://www.doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-2-237-248>
9. Саркисов М. М. Ирригация южного Туркменистана. М.: Геоинформмарк, 1992. 135 с.
10. Слёзкин А. В. Храм в Мургабском государевом имении: конкурсные проекты и реализация // Русская усадьба. 2015. № 20 (36). С. 258–287.
11. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 239 с.
12. Ходжакулиева Б. А. Из истории туркмено-российских отношений: экономические преобразования в Закаспийской области // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 4. № 12. С. 68–73.

References

1. Alimjanov B. A. A. N. Kuropatkin i ekonomicheskaja politika Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii [Gen. Kuropatkin and the economic policy of the Russian Empire in the Central Asia] // Iuridicheskaja nauka: istoriia i sovremennost' [Legal Science: History and Modernity]. 2019. № 8. P. 93–103. (In Russ.).
2. Bochkareva I. B. Irrigatsionnyi vopros v politike Rossii v Turkeстане (konets XIX – nachalo XX vv.) [The irrigation issue in Russia's policy in Turkestan (end of the 19th – beginning 20th centuries)] // Bylye gody. 2021. № 16 (3). P. 1399–1408. <https://www.doi.org/10.13187/bg.2021.3.1399> (In Russ.).
3. Brusina O. I., Solovyeva L. T. Murgabskoe gosudarevo imenie v Bairam-Ali po materialam G. I. Karpova: antikolonial'naja kritika imperskogo podkhoda [Murghab State Estate in Bairam-Ali based on the materials of G. I. Karpov: anti-colonial critique of the imperial concept] // Istoriya. 2022. Vol. 13. № 10 (120). e22. <https://www.doi.org/10.18254/S207987840023218-8>. URL: <https://history.jes.su/s207987840023218-8-1/> (In Russ.).
4. Vasilyev D. V. Murgabskoe gosudarevo imenie — obraztsovoe khoziaistvo na iugovostochnoi okraine [Murghab State Estate is an exemplary farm on the southeastern outskirts] // Gusevskie chteniia – 2024. Tri izmereniia politicheskoi istorii Rossii: ideologija, politika, praktiki: sbornik nauchnykh statei / ed. by Yu. V. Smirnova. Vol. 1. Moscow; Yaroslavl: Kantsler, 2024. P. 84–92. (In Russ.).

5. Dmitrieva I. V. Stanovlenie novoi arkhitektury i stroitel'noi nauki v Srednei Azii (konets XIX – nachalo XX veka) [Formation of new architecture and construction science in Central Asia (late 19th – early 20th century)]: abstract of the dissertation of the Candidate of Architecture. Tashkent, 1994. 26 p. (In Russ.).
6. Kanoda N. N. Agrarnaia politika tsarizma v Turkmenistane [Agrarian policy of tsarism in Turkmenistan]. Ashkhabad : Ylym, 1991. 222 p. (In Russ.).
7. Mazaev N. A. Agrarnyi sektor Murgabskogo gosudareva imeniia kak otrazhenie agrarnoi politiki Rossiiskoi imperii v Turkestanskom krae [The agricultural sector of the Murghab State Estate as a reflection of the agrarian policy of the Russian Empire in the Turkestan region] // Gusevskie chteniia – 2024. Tri izmereniia politicheskoi istorii Rossii: ideologiya, politika, praktiki: sbornik nauchnykh statei / ed. by Yu. V. Smirnova. Vol. 1. Moscow; Yaroslavl: Kantsler, 2024. P. 258–272. (In Russ.).
8. Nastich V. N. Metallicheskie marki Daikhanskoi kontory Murgabskogo gosudareva imeniia [Metal stamps of the peasant office of the Murghab Sovereign's Estate] // Orientalistica. 2018. Vol. 1. № 2. P. 237–250. <https://www.doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-2-237-248> (In Russ.).
9. Sarkisov M. M. Irrigatsiia iuzhnogo Turkmenistana [Irrigation of Southern Turkmenistan]. Moscow: Geoinformmark, 1992. 135 p. (In Russ.).
10. Slezkin A. V. Khram v Murgabskom gosudarevom imenii: konkursnye proekty i realizatsiia [Temple in the Murghab Sovereign's Estate: competition projects and implementation] // Russkaia usad'ba. 2015. № 20 (36). P. 258–287. (In Russ.).
11. Tikhomirov M. N. Prisoedinenie Merva k Rossii [The annexation of Merv to Russia]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960. 239 p. (In Russ.).
12. Khodzhaikulieva B. A. Iz istorii turkmeno-rossiiskikh otnoshenii: ekonomicheskie preobrazovaniia v Zakaspiiskoi oblasti [From the history of the Turkmen-Russian relations: economic reforms in Zacaspiian region] // Economics and Management: Problems, Solutions. 2016. Vol. 4. № 12. P. 68–73. (In Russ.).